

*И. В. Палагута***ПЕРВОБЫТНОЕ ОБЩЕСТВО В ЗЕРКАЛЕ ИСКУССТВА:
НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ИНТЕРПРЕТАЦИЮ
АНТРОПОМОРФНОЙ ПЛАСТИКИ ЭПОХИ НЕОЛИТА***

Искусство ранних земледельцев эпох неолита и медного века — носителей культур, образовавшихся в VIII–III тыс. до н. э. с распространением земледелия в обширной зоне, которая охватывала Центральную и Юго-Восточную Европу, Ближний Восток и Центральную Азию, — давно уже известно за пределами узких рамок археологических исследований. Памятники этого искусства представлены богато декорированной резными и рельефными орнаментами керамической посудой, развитой поселенческой архитектурой и первыми монументальными сооружениями, а также разнообразной мелкой антропоморфной и зооморфной пластикой. Помимо своей художественной выразительности материал этот интересен и тем, что отражает развитие сообществ, существовавших еще до появления на Ближнем Востоке первых государств, представляя первобытную культуру и искусство в чистом виде, не затронутыми влиянием цивилизации.

Мелкая терракотовая антропоморфная пластика была здесь одной из основных художественных форм. Находки статуэток исчисляются тысячами. Некоторые из них, как, например, выполненные безвестным мастером фигурки «мыслителя» и сидящей женщины из Чернаводы в Румынии, давно уже признаны подлинными шедеврами.

Несмотря на разнообразие и обилие материала, проблема интерпретации статуэток, ввиду отсутствия письменных источников и комментариев исполнителей, — одна из ключевых на протяжении всего периода их изучения с конца XIX в. Одним из стереотипов, укоренившихся в сознании специалистов, является постулат о том, что все они связаны с культами плодородия или изображают ипостаси земледельческих богинь. Этот постулат опирается на ряд внешних и не всегда корректных этнографических аналогий, умозрительные предположения об обязательном доминировании у земледельцев культов плодородия, столь же умозрительную теорию «материнского права» с идеей об изначальной матриархальной религии. Утверждение этой точки зрения связано прежде всего с работами Б. А. Рыбакова и М. Гимбутас [1; 2]. При этом специальные археологические исследования обычно не выходят за рамки классификаций и определения хронологических и локальных признаков статуэток [3; 4]. Несмотря на то, что представление о раннеземледельческих статуэтках как изображениях ипостасей «Великой Матери» было поставлено под сомнение уже давно [5, 6; 7, с. 92–95], авторитет этих исследователей был так высок, что серьезно критиковать их идеи стали только в 1990-е годы [8; 9]. Осознание субъективности и бездоказательности умозрительных построений в последнее десятилетие инициировало поиск других исследовательских направлений, основанных на широком использовании иконографического

Палагута Илья Владимирович — д-р ист. наук, профессор, Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов; e-mail: palaguta@hotmail.ru

* Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект 11-06-00441-а.

© И. В. Палагута, 2013

анализа и рассмотрения раннеземледельческой пластики в ее социальном контексте — как «окна-в-социум» [10–12].

Качественный материал для анализа предметов мелкой пластики, изучения ее функций и семантики, представляют наборы статуэток, обнаруженные в пределах «закрытых», не потревоженных комплексов, что подразумевает и их совместное использование в прошлом. Наибольшее число таких достоверных комплексов — шесть из девяти известных в пределах всего круга культур карпато-балканского неолита и энеолита — обнаружено в Триполье-Кукутени (конец V — середина III тыс. до н.э.). Объясняется это тем, что ее ареал, благодаря усилиям румынских, молдавских, украинских и российских археологов на сегодняшний день наиболее изучен. Это дает возможность не только для анализа и сравнения между собой серий фигурок, но и для исследования их в относительно однородной среде генетически взаимосвязанных памятников. В свою очередь, в серии трипольско-кукутенских наборов особое место занимают два, относящихся к наиболее ранним фазам развития культуры и отражающих начальные ступени формирования мировоззрения ее носителей.

Первый набор пластики был обнаружен в 1981 г. на многослойном поселении Подури — дялул Гиндару в Прикарпатье [13; 14; 15; 16]. Глинобитная постройка 36, где найдены статуэтки, относится к нижнему слою многослойного поселения, датируемому фазой Прекукутени II¹. В ней было два очага. Рядом с одним из них лежали 7 фигурок, миниатюрный сосуд и креслице. Однако все ли фигурки остались на своих местах, и представляют ли они цельный набор — не известно: постройка раскопана не полностью, статуэтки находились в слое целостного комплекса. Зато второй набор фигурок, обнаруженный у другого очага в накрытом крышкой сосуде, представляет собой настоящий «закрытый комплекс». Он включает 21 статуэтку, каждая из которых изображает человеческую фигуру в характерной полусидящей позе, 13 креслиц и два глиняных изделия — возможно, миниатюрные модели сосудов (рис. 1: 1, 2).

Статуэтки из набора ранжированы по размерам. Из них 15 — более крупные, высотой до 8,6 см. Они тщательно вылеплены, покрыты росписью, у них обозначены руки и детали лиц. Массивные бедра смоделированы из двух кусков глины, к которым присоединено туловище с маленькой головой в виде столбика. Лица изображены схематично: нос передан защипом, глаза — овальными ямками, такой же ямкой показан рот. Прорезными линиями обозначены складка внизу живота и треугольная складка между ног. Судя по вертикальным насечкам на концах ног, все персонажи — босые. Статуэтки различны по деталям моделировки.

Среди фигурок четко выделяются две группы. Одна из них состоит из 7 фигурок с одинаковым декором из угловатых геометрических фигур, нанесенных красной краской (рис. 2: 7–13). Декор начинается ниже колен и покрывает тело до уровня груди. Очевидно, он изображал платье. У всех фигурок обозначены груди. Самая крупная статуэтка отличается от остальных: руки у нее показаны полностью — правая лежит на груди, левая подпирает щеку (рис. 2: 7). Такое положение рук напоминает позу «мыс-

¹ В сложившихся системах периодизации культура Прекукутени соответствует раннему периоду — Триполье А схемы Т.С. Пассек, принятой у российских и украинских исследователей. Выделение Прекукутени в отдельную культуру традиционно сложилось в румынской историографии, хотя оно и не вполне приемлемо, так как этот материал генетически связан с последующим развитием трипольско-кукутенской культурной традиции.

1

2

Рис. 1. Раннетрипольско-прекукутенские наборы антропоморфных фигурок: 1 — Подури (по [15]); 2 — Исайя (по [18]).

лителя», известную в балканской и среднедунайской пластике [17; 12, с. 112]. Одна фигурка в два раза меньше остальных, но аналогична им по декору и форме (рис. 2: 13).

Еще одну группу составляют 5 фигурок с менее выраженной стеатопигией и разделенными ногами (рис. 2: 1–5). Двумя параллельными красными линиями, промежуток между которыми заполнен косой штриховкой, у них обозначен пояс. От него широкие полосы краски спускаются по внутренней стороне ног. У двух фигурок они оканчиваются бахромой, у трех других — бахромы нет, но внешняя поверхность бедер покрыта косой штриховкой. Плечи обозначены выступами. Грудей нет. На груди — V-образный валик, подчеркнутый тонкой красной линией, который может схематически изображать руки. У наиболее крупной фигурки на шее — валик (ожерелье?) (рис. 2: 1). К этой группе примыкает одна из маленьких схематических статуэток со столбикообразным туловищем, у которой также разделены ноги, но выполнена она не так тщательно и не покрыта декором, как уменьшенная фигурка из предыдущей группы (рис. 2: 6). Одина-

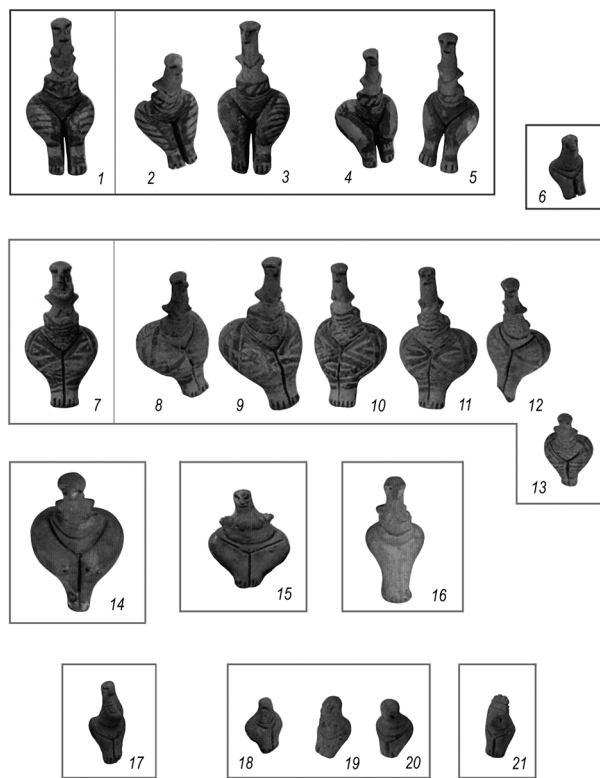

Рис. 2. Группировка статуэток в наборе из Подури (по [15]).

ковый способ нанесения декора и характерные особенности формы тела указывают на то, что статуэтки обеих групп были изготовлены одним мастером.

Остальные фигурки разноразмерные. Это 3 крупных неокрашенных статуэтки, у которых обозначены груди, руки показаны направленными в стороны выступами, ноги — слитные (рис. 2: 14–16). Возникает впечатление, что эти три фигурки в отличие от предыдущих изделий были изготовлены другими мастерами. Еще 5 маленьких статуэток схематичны. Они отличаются друг от друга: у 3 не обозначены руки и плечи (рис. 2: 18–20), еще у одной бугорком показаны сложенные на груди руки, поверх которых наклеены валики — возможно, так показаны волосы (рис. 2: 17), необычную форму имеет фигурка с «гребешком» по верхнему краю, у которой лицо сдвинуто на уровень туловища (рис. 2: 21).

Можно предположить, что 13 креслиц, которые тоже различаются между собой по форме спинок и декору, предназначались для крупных статуэток. Однако четко соотнести фигурки с соответствующей «мебелью» не представляется возможным. Особенность статуэток набора: у всех, кроме двух наиболее схематичных, обозначен рот. Таким образом, вся композиция изображала персонажей в процессе диалога или, судя по ритмической организации набора, совместного исполнения песни.

Числовые соответствия в группировке фигурок кратны 7 или 3. Всего — 21 фигурка ($21=7 \times 3$). Из них 14 крупных фигурок и 7 маленьких, 7 отличаются особым орнамен-

том, 3 крупных статуэтки отличаются от остальных своими пропорциями, 6 — имеют разделенные ножки. Еще 7 фигурок найдены отдельно у первого очага. Это выглядело бы случайностью, если бы не было обнаружено еще одного набора статуэток, точно так же состоящего из 21 фигурки и 13 креслиц.

Находка была сделана в 1999 г. на поселении фазы Прекукутени III Исаяя — Балта Попии, находящемся в Румынской Молдове [18]. Статуэтки и креслица были сложены в сосуд (рис. 1: 2), где их сопровождало 21 изделие в виде конуса и шарика с отверстиями для скрепления их деревянными штифтами [18, pl. III, V]. По размерам эти предметы соответствуют самой маленькой антропоморфной фигурке (конусы высотой 11–16,5 мм, шарики диаметром до 10 мм). Может быть, они изображали сосуды на конических подставках? В набор также входили 42 глиняных бусины, вероятно, составлявшие ожерелье [18, p. 122].

Сосуд со статуэтками располагался в юго-восточной части глинобитной постройки, у очага [18, p. 39–46; fig. 12; tabl. 1]. Рядом с ним был обнаружен круглый «алтарь» в виде диска с бортиками диаметром около 42 см на четырех ножках (рис. 6: 2). Можно предположить, что он предназначался для демонстрации фигурок.

Статуэтки из Исаяи схожи по типу с обнаруженными в Подури, но выполнены небрежно. Они покрыты ангобом, на некоторых сохранились следы окраски охрой [18, pl. III, V, VI; 19, p. 126–127]. Основу набора составляют 20 крупных статуэток высотой от 8,5 до 4,7 см. Еще одна фигурка значительно меньше остальных — 19 мм.

Определяются следующие группы изделий:

1. 7 статуэток с обозначенными грудями. Как и у остальных фигурок, линиями намечены ноги, показана складка внизу живота и треугольная складка между ног (рис. 3: 7–13). У двух из них ниже складки живота расположен ряд наколов (рис. 3: 7–8).

2. 4 статуэтки с наколами на бедрах: у двух — в виде поперечных рядов, у двух — в виде продольных (рис. 3: 1–4). Груды у этих статуэток не обозначены, у трех из них — отверстия в плечевых выступах. Особенность этой группы фигурок — отдельные ноги.

3. 2 статуэтки с плечевыми выступами, но без налепов-грудей (рис. 3: 5–6). У одной из них ряд наколов на складке внизу живота (рис. 3: 5).

4. 7 статуэток без плечевых выступов, с округлым в сечении туловищем, груды не обозначены. У трех фигурок туловище гладкое (рис. 3: 14–16). Одна из них отличается расширенным и уплощенным окончанием ног — возможно, так показаны ступни (рис. 3: 16). У четырех статуэток на груди нанесены косые черточки, вероятно, изображающие руки (рис. 3: 17–20).

5. Миниатюрная схематичная фигурка со столбикообразным туловищем (рис. 3: 21).

Сложно сказать, являются ли принципиальными отличия в мелких деталях: у 14 фигурок ямкой обозначен пупок, но этот признак распределен по всем группам. Рот у большинства статуэток специально не обозначался, но он мог подразумеваться, так как при формовке носа нижняя часть его профилировалась ногтем так, что образовывалась характерная вмятинка. Таким образом, фигурки из Исаяи тоже «разговаривают», как и в Подури.

13 креслиц, вероятно, предназначались статуэткам первых трех групп, у которых плоские спины [18, p. 58, 107–119, fig. 17].

Группировка изделий, как и в Подури, здесь подчинена числовым соответствиям, кратным 7: бусин 42, составных предметов 21. 7 фигурок с четко обозначенной грудью,

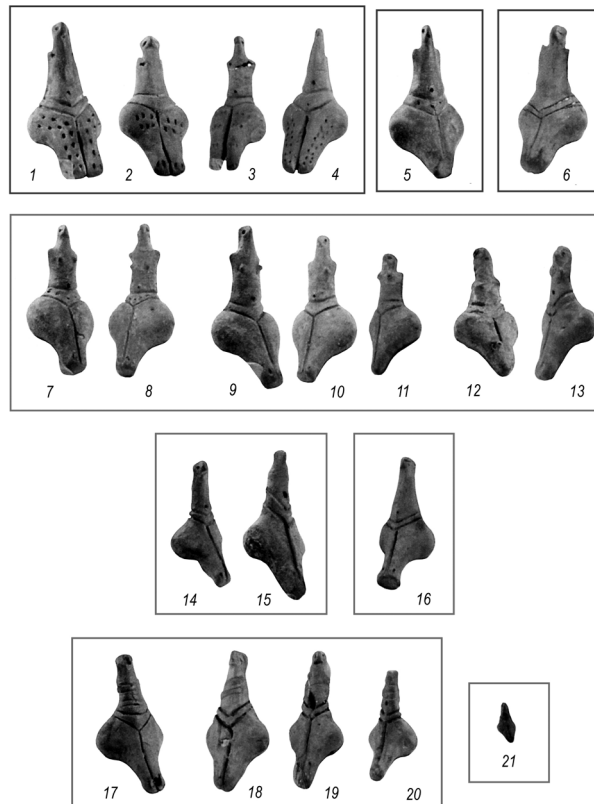

Рис. 3. Группировка статуэток в наборе из Исайи (по [18]).

7 — без груди с округлым в сечении туловищем. Примечательно, что на этом же поселении в яме №17 обнаружен поддон миски, в котором находилась статуэтка и 42 глиняных конуса [18, p. 18, pl. VIII, 4–6]. Анализируя эти числовые соответствия, авторы публикации обращаются к нумерологии Каббалы [18, p. 57 et al.]. Однако система счисления, основанная на 7 и кратных числах, известна в Евразии с палеолита и является, по-видимому, одной из древнейших [20].

Уже первичное сопоставление наборов из Подури и Исайи говорит об их сходстве: в каждом из наборов число статуэток — 21, число креслиц — 13, наблюдается иерархия размеров фигурок и т. д. [18, tabl. 4]. Различия наборов тоже очевидны, но они — в области качества изготовления и особенностей форм изделий, зависящих от конкретных исполнителей. Очевидно, наборы изображают группы персонажей, где размеры фигурок, их группировка по декору и моделировке должны отражать возрастной и/или социальный статус изображаемых персонажей. Считалось, что все статуэтки изображают женщин. Но более тщательный анализ иконографии изображений показывает, что это не так.

В обоих наборах выделяются группы из 7 несомненно женских фигурок. В Подури это статуэтки со сходной орнаментацией, у которых обозначены груди (рис. 2: 7–13).

В Исайе четкое указание на пол — обозначенные бугорками груди — также есть у семи фигурок (рис. 3: 7–13), эти статуэтки также имеют плоскую спинку. Можно предположить, что обе входили в группы «старших» фигурок, сидящих в креслицах.

Следующие группы статуэток, которые явно выделяются и в Подури, и в Исайе — с разомкнутыми ногами. Их объединяет также то, что у них не обозначены груди, а ноги покрыты декором. В Подури их 6, из которых 5 крупных и 1 мелкая (рис. 2: 1–5), в Исайе — 4 (рис. 3: 1–4). И разомкнутые ноги, и декор более тщательно выполненных фигурок из Подури позволяет считать, что, несмотря на бросающиеся в глаза широкие бедра, перед нами не женские, а **мужские** фигурки.

Обзор пластики как раннего, так и более поздних периодов культуры Триполье-Кукутени показывает, что разомкнутые ноги — признак мужских статуэток. На это указывают аналогии из других раннетрипольских памятников. Так, ряд фигурок с четко обозначенным признаком пола (фаллосом) и разомкнутыми ногами есть в Луке-Врублевцевкой [21, табл. 75, а, б; 111, а]. Но там же присутствуют фигурки с раздельными ногами, но без обозначения фаллоса [21, табл. 79, а, б], одна из них — тоже без фаллоса, но с характерным мужским атрибутом — поясом [21, табл. 81]. Ряд мужских фигурок — тоже с разомкнутыми ногами — присутствует в Ленковцах [22, 81, табл. XIII, 24, 25, 34]. То, что у мужских статуэток изображение фаллоса не было обязательным атрибутом, показывает и анализ пластики других регионов Юго-Восточной Европы [23].

Стандартизация типа стоящих мужских фигурок с разомкнутыми ногами, поясом и португеей происходит в период Триполье VI — Кукутени А. Его представляют значительные серии находок, составляющие на некоторых поселениях 15–25% пластики [24; 4]. Фаллос у этих статуэток либо изображался в виде небольшого выступа, либо вообще не показан — пол часто маркируют только пояс и разомкнутые ноги. Зато у некоторых мужских статуэток круглыми налепами показаны соски (рис. 5: 5) [25]. Этот же статуарный тип продолжает существовать в последующие периоды развития культуры: Триполье VII, CI — Кукутени АВ, В. Но здесь наблюдаются нарушения формы: ноги часто делаются слитными, признаком пола становится выступ-фаллос и/или португея с поясом (рис. 5: 4). Таким образом, признаки пола у мужских статуэток варьируют и могут обозначаться по отдельности. В наборах они проявляются в контексте противопоставления противоположному «женскому» ряду (рис. 5: 3–4, 5–6). Выдерживается лишь общий стереотип мужского образа. То же самое происходит и с женскими статуэтками, где наличие налепов-грудей или их отсутствие далеко не всегда является признаком пола. Главное для автора — чтобы фигурка была определена, а в рамках малых сообществ, в которых статуэтки функционировали, не требовалось большей детализации, тем более, что при этом всегда был доступен голосовой комментарий [12, с. 265].

Широкие бедра также не являются тем критерием, который отличает мужскую фигурку от женской. В раннеземледельческой пластике широкобедрость характерна и для женских, и для мужских фигурок — при их изготовлении использовался шаблон-стереотип изображения тела, сформировавшийся в рамках изобразительной традиции, где доминировали женские изображения [12, с. 109–110]. Использование приема «конструирования» образа из набора стандартных изобразительных элементов — изобразительных инвариантов, является одной из особенностей архаичного художественного творчества [26, с. 30–33]. Так же, из определенного набора метафор, «конструируются» и образы в устном народном творчестве [27, с. 14]. К тому же трипольские

статуэтки лепились из трех одинаковых брусков глины — туловища и двух ног, что делало широкими бедра и у женских, и у мужских статуэток. У сидящих фигурок широкое основание способствовало их устойчивости.

Таким образом, пол фигурок с разомкнутыми ногами из Подури и Исайи однозначно можно определить как мужской. В Подури его признаком становятся разомкнутые ноги и пояс, свисающие концы которого изображают ленты декора на бедрах, в Исае — разомкнутые ноги и декор на бедрах, возможно, показывающий те же концы пояса, но условно, в соответствии с общей небрежной манерой исполнения набора.

Сумма серий мужских (6) и женских (7) фигурок в Подури в итоге дает 13. Это как раз соответствует числу креслиц. Но в Исае однозначно мужских фигурок только 4. Однако на 13 креслиц могут сесть 13 статуэток с уплощенными спинками. Кроме двух означенных серий мужских и женских фигурок среди них есть еще 2 фигурки с плоской спиной (рис. 3: 5–6). Ноги у них слитные, как у женских, но груди, в противоположность серии однозначно женских фигурок, не обозначены. Как и у остальных мужских, у них плечевые выступы ориентированы вверх, и в них проделаны отверстия. Получается, что в Исае такое же соответствие «старших» (с креслицами) мужских и женских фигурок, как и в Подури: 6 и 7.

Остальные 8 фигурок в том и другом наборах демонстрируют значительные вариации. В Подури выделяются три крупных фигурки, выполненные в иной стилистической манере (рис. 2: 14–16), возможно, попавшие сюда из другого набора или сделанные дополнительно. Одна из них (рис. 2: 16) находит параллель в Исае (рис. 3: 16) — у них обеих расширены концы стоп. Не может ли это быть характерной чертой какого-то определенного персонажа? Остальные пять фигурок в Подури — миниатюрного размера, но различающиеся между собой, — параллелей с набором в Исае не дают. В Исае группа из «младших» фигурок определяется не размерами, а формовкой туловища и головы в виде одного стержня, без плеч (рис. 3: 14–21), из них лишь одна миниатюрная (рис. 3: 21).

Если суммировать все наблюдения, то сопоставление наборов можно представить в виде таблицы (см. с. 138), где аналогичны серии «старших» фигурок с четко определенным полом, для которых, скорее всего, и предназначались креслица. Они составляют постоянную часть набора, остальные — без креслиц — переменную, где формы фигурок варьируют. Наиболее близкая аналогия описанным наборам — комплекс пластики, выявленный при раскопках раннетрипольского поселения Сабатиновка II на Южном Буге [28]. В постройке, где была найдена серия из 29 фигурок и нескольких глиняных креслиц, напротив входа располагалась печь, остатки конструкции в виде «глиняного кресла» и прямоугольная глинобитная платформа. Поблизости от этих элементов интерьера обнаружены 22 статуэтки и несколько креслиц, которые, возможно изначально стояли на глинобитном возвышении. Отсутствие упаковки привело к тому, что целостность набора была нарушена. Сабатиновские фигурки относятся к тому же типу пластики, что и статуэтки из достоверных наборов: они «пышнобедрые», со слабо проработанными деталями верхней части тела. На некоторых сохранились следы росписи красной краской. Как и в цельных наборах, фигурки ранжированы по размерам, некоторые из них сидели в креслицах. Очевидно, что они составляли такой же иерархически организованный набор, как в Подури и Исае.

Судя по находкам серий от 5–6 до более 30 аналогичных статуэток с креслицами, такие же наборы использовались и в других раннетрипольских поселениях: Александровке,

Таблица. Сопоставление наборов фигурок из Подури и Исайи

Типы статуэток	Подури	Исайя	Общая группировка по полу	Общая группировка: с креслами или без
Статуэтки с раздельными ногами	5 (муж.)	4 (муж.)	6 (муж.)	13 (с креслицами)
Маленькие статуэтки с раздельными ногами	1 (муж.)			
Статуэтки с обозначенными плечевыми выступами, но без груди		2 (муж.?)		
Крупные статуэтки с обозначенными грудями и расставленными в стороны руками	7 (жен.)	7 (жен.)	7 (жен.)	
Статуэтки с обозначенными грудями, с расширенным и уплощенным окончанием ног	1	1	8	8 (без креслиц)
Крупные статуэтки-столбики, без груди		2		
Крупные статуэтки-столбики, без груди, прочерчены линии на груди		4		
Мелкие статуэтки-столбики	3	1		
Крупные статуэтки с грудью и расставленными руками (разные типы)	2			
Мелкие статуэтки (отдельные типы)	2			
	21	21	21	21

Тимково, Бернашевке на Украине, Александровке I, Исакова II, Путинешты I в Молдове, Тырпешти и Траян — Дялул Фынтынилор в Румынии [см.: 29; 30; 31; 32–34].

Рассматриваемую стилистическую группу пластики отличают небольшие размеры, сидящая поза, гипертрофированная форма ягодиц, гладкая или окрашенная поверхность — это типы «с» и «d» по классификации А.П.Погожевой [3, с. 20–23]. Наряду с такими фигурками в ранний период Триполья-Кукутени были распространены и статуэтки других типов: женские стоящие с углубленным орнаментом; с примесью зерен злаков в глиняном тесте; с вертикальным отверстием в ногах, которые насаживались на стержень; мужские стоящие и сидящие в позе «мыслителей». Так как статуэтки для наборов изготавливались серийно, их доля в общем объеме находок пластики существенно выше остальных и достигает 70–80% [3, с. 35–38, табл. 1, 2]. Особые формы и окраска свидетельствуют о том, что они изображали особую группу образов. Этот тип фигурок и креслица не обнаружены на памятниках последующих периодов развития трипольско-кукутенской культуры [3, с. 50].

Статуэтки из наборов интерпретировались разнообразно: их связывали с культом плодородия, считая изображениями «матери-прародительницы» [35, с. 301] или ипостасей Великой Богини [18, р. 58], воплощением идеи женского плодородия, а в сочетании с рогатыми креслицами — образа женщины и быка [36, с. 245] и т. д. Умозрительность подобных интерпретаций очевидна.

Кроме того, что статуэтки оказались разнополыми, из анализа их иконографии и аналогий следует:

— они изображали одну группу персонажей и воспроизводились регулярно на многих памятниках;

— наборы были предметом многоразового использования и выполняли определенные, только им предназначенные функции; судя по изображению рта у крупных статуэток, в процессе использования они должны были общаться между собой и со зрителем;

— так как из некоторых поселений происходят серии, превышающие стандартное число фигурок в наборах из «закрытых» комплексов, на этих поселениях могло использоваться несколько наборов статуэток; кроме того, иногда мог использоваться не весь набор целиком, а только его часть (пример: группа из 7 фигурок у очага 1 в постройке 36 в Подури); стилистические различия фигурок в наборах свидетельствуют о том, что в них могли комбинироваться изделия из нескольких серий, выполненных различными мастерами;

— традиция массового изготовления наборов сидящих фигурок ограничена рамками периода Прекукутени — Триполье А;

— статуэтки в наборах иерархически организованы; статус отдельных персонажей и их групп определяется по наличию или отсутствию креслиц, размеру, окраске, по атрибутам (посох, ожерелье, одежда), изображению деталей тела; эти же атрибуты определяют обычно и статус живых людей, членов иерархически организованного коллектива; даже если это персонажи мифа или божества, то на них все равно проецируется окружающая социальная реальность, значит, объяснение наборов статуэток нужно искать в том обществе, в котором они изготавливались и функционировали.

Основой для реконструкции социума носителей культуры Триполье-Кукутени начального периода ее развития является комплекс данных, включающих: 1) количество памятников и определение отрезка времени, в который они существовали; 2) размеры поселений и возможное число их жителей; 3) оценку общей численности населения и темпов демографического роста; 4) определение структуры ареала и моделирование процесса его освоения. Это дает возможности для определения тех аспектов существования, которые были наиболее актуальны для раннетрипольско-прекукутенского населения и которые могли быть отражены в изобразительном искусстве. Именно здесь должны быть точки соприкосновения мира идей и образов с обыденной жизнью.

К настоящему времени известно около 175 поселений периода Прекукутени — Триполье А [37; 38; 34], менее 5% памятников, относящихся к этой культуре, которых известно около 4 тыс. [39, с. 565]. Это вполне соответствует начальному этапу расселения ее носителей по территории лесостепной зоны к востоку от Карпат.

Хотя по радиоуглероду временной диапазон Прекукутени — Триполье А обычно определяют в промежуток времени от 450 до 700 лет — 5050–4600 CAL B.C., 5400–4700/4600 CAL B.C. [40, p. 132, fig. 31, 32; 41, с. 93, 95–96], эти определения вызывают сомнения, так как им противоречит цельность материальной культуры, отражающаяся в первую очередь в относительной однородности керамического комплекса. Кроме того, раннетрипольские поселения, как и большая часть памятников последующих этапов культуры, — преимущественно однослойные. Длительность их существования — около 50–70 лет, около трех поколений [42, p. 56–57]. Шесть фаз, которые выделяют в развитии раннетрипольской культуры [43, с. 86, табл. 1], в определенной мере отражают реальную последовательность памятников. Тогда наиболее вероятной для рассматриваемого периода является длительность около 300, максимум 400 лет, когда каждая из шести фаз охватывает 2–4 поколения.

Большинство раннетрипольско-прекукутенских поселений невелики по размеру — около 1–1,5 га, и они состоят из 10–15 жилищ [38, с. 18; 37, р. 168–169]. Число жителей такого поселка могло составлять от 50–70 до 100 человек, что соответствует «общине, состоящей из нескольких кровнородственных семей» [38, с. 163]. Более крупные поселения площадью от 4 до 10 га, состоявшие из более 100 построек, обнаружены в бассейне Южного Буга. Они датируются финалом раннего Триполья. Такие поселения с числом жителей более 400–500 человек могли образовываться в результате слияния нескольких групп населения [44, с. 64–86].

Ареал трипольской культуры к концу раннего этапа охватывает около 50 тыс. км² — зону лесостепи от юго-восточной Трансильвании до бассейна Южного Буга. Эта территория хорошо изучена в ходе многочисленных археологических разведок еще в 1970-х годах [45, с. 26, рис. 1]. Так что имеющихся данных вполне достаточно, чтобы проследить закономерности в группировке памятников. На представленной карте (рис. 4) заметно их «гнездообразное» распределение. Как показывает более детальное исследование «гнезд» (микрогрупп), их образуют разновременные поселения, оставленные одной-двумя группами населения, периодически переносившими поселок на новое место [46, с. 24; 42, р. 55–57].

В период Прекукутени — Триполье А происходит первичное заселение ареала. Очевидно, что толчком к этому стал демографический рост, приведший к относительной перенаселенности исходных районов. Динамика роста количества известных поселений по фазам определена еще в 1970-е годы: от 5 памятников фазы Прекукутени I в Восточных Карпатах к 23 памятникам Прекукутени II и 111 — Прекукутени III [47, с. 90–92, 102]. Выявленные за прошедшие десятилетия памятники не вносят в нее существенных корректив. Даже если считать, что первоначальных поселений было в 2 раза больше (10), то все равно у истоков создавшего трипольскую культуру населения стояло максимум несколько сотен человек. К концу периода, вероятно, одновременно существовало около сотни поселений и число носителей культуры колебалось примерно от 5 до 10 тыс. человек. Таким образом, прирост населения мог достигать 1% в год, и за 300 лет оно увеличилось более чем в 10 раз. Если нормой для обществ ранних земледельцев и скотоводов является 0,1% в год [48, с. 316; 49, р. 68, 82], то это максимально возможные показатели, которые могли возникнуть только лишь в очень благоприятных условиях [49, р. 84]. Возможности для такого бурного роста населения появились, вероятно, в связи с наличием обширных неосвоенных территорий, на которые, в направлении с юго-запада на северо-восток, направляются волны раннетрипольской миграции. Очевидно, бурный рост населения, именуемый в демографии «эффектом основателей», обеспечивался стратегией экономики, направленной на максимальную экстенсивную эксплуатацию ресурсов зоны восточноевропейской лесостепи к востоку от Карпат. Выявление особенностей этой стратегии — тема отдельных исследований, выходящих за рамки настоящей работы.

Оставляя в стороне вопрос о ее сложении [37, р. 121 et al.; 38, с. 176–177], отмечу, что культура Прекукутени — раннего Триполья характеризуется относительной монолитностью и отлична от соседних культур. Это говорит о том, что здесь мы имеем дело с самостоятельным этническим образованием. Единство групп раннетрипольского населения иллюстрирует сложившаяся на начальных фазах развития культуры единая система орнаментации керамики, в основу которой ложится изобразительный мотив из спирально закрученных змей, который выполняется либо в полной, либо в «скоро-

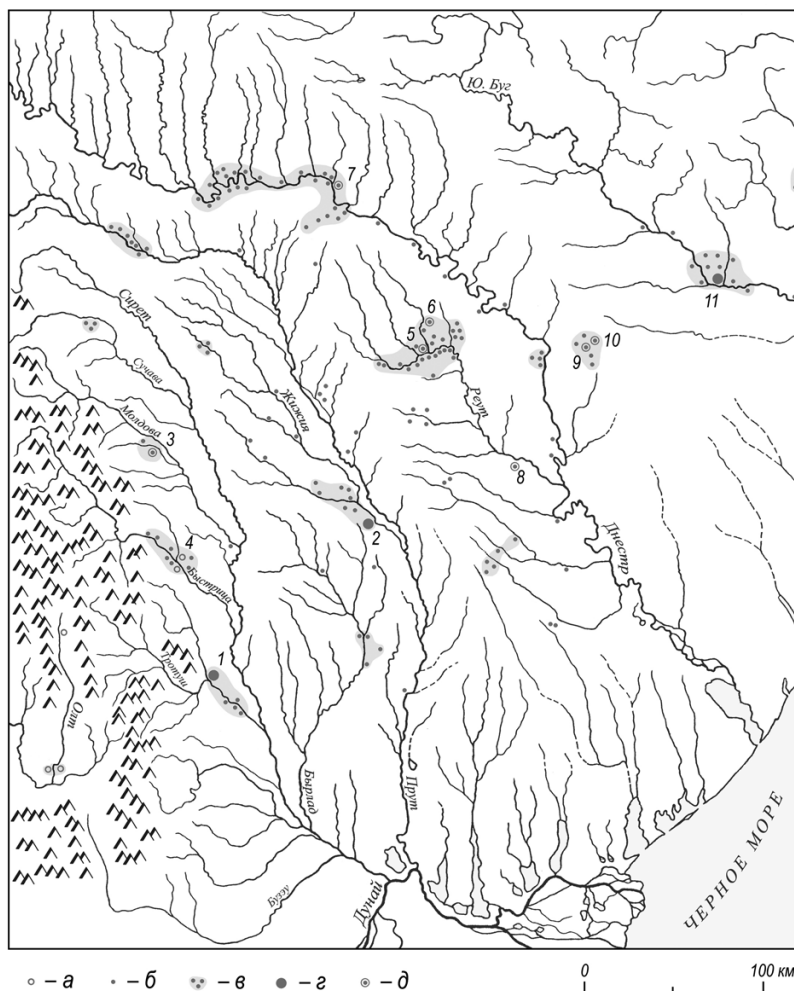

Рис. 4. Памятники Триполья А — Прекукутени, где найдены наборы статуэток или серии аналогичных фигурок: 1 — Подури; 2 — Исая; 3 — Тырпешти; 4 — Траян — Дялул Вией и Траян — Дялул Фынтынилор; 5 — Александровка I; 6 — Путинешты I; 7 — Бернашевка; 8 — Исакова II; 9 — Тимково; 10 — Александровка; 11 — Сабатиновка II;

a — поселения фазы Прекукутени I; *b* — поселения фаз Прекукутени II–III — Триполья А; *v* — группы памятников; *z* — поселения, где обнаружены наборы фигурок; *d* — поселения, где обнаружены серии фигурок, которые входили в наборы.

писной» форме [50; 12, с. 225]. Объединяющими элементами культуры являются и приемы домостроительства, и набор орудий труда, и характерные украшения.

Пути расселения общин из зоны формирования культуры в Восточных Карпатах реконструированы в работах Е. К. Черныш и В. Г. Збеновича [47; 38]. Волна расселения сначала охватывает Пруто-Днестровское междуречье и Среднее Поднестровье (фаза Прекукутени II). На следующей фазе Прекукутени III — бассейны Днестра и Южного

Буга, вплоть до Буго-Днепровского междуречья. Вопрос о наличии автохтонного населения на этой территории и его судьбе пока остается открытым.

Прерывистость ареала отражает стратегию расселения, при которой группы поселений, отмечающие территорию, освоение которой производилось в течение относительно длительного отрезка времени, расположены на расстоянии порядка 60–80 км друг от друга. Это соответствует 3–4-дневному пешему переходу. Получается, что по достижении порогового уровня заселения освоенной территории отдельные группы населения удалялись за его пределы на расстояние более значительное, чем обычно переносили поселение в пределах микрорегиона (4–6 км). Очевидно, это было обусловлено тем, что предел «емкости» экологической системы лесостепи Восточной Европы еще не был достигнут, и переселенцы выбирали новые районы с оптимальным сочетанием ресурсов. Возможно, здесь важную роль играли и социокультурные факторы, определявшие порядок расселения: дистанции между группами достаточно большие, чтобы не сталкиваться с соседями в процессе экстенсивного освоения территории, но при этом сохранялась возможность контактов (в качестве аналогий можно привести примеры вывода колоний, описанные в античных источниках).

В процессе расселения происходило не только освоение территории, но и преобразование пространства географического в пространство социальное [51, p. 277 et al.], с участками, заселенными людьми, находящимся в той или иной степени родства. Судя по отмеченному единству материальной культуры, взаимосвязи групп носителей культуры раннего Триполья были еще достаточно прочными.

На фоне прерывистой структуры социального пространства находки наборов статуэток фактически маркируют наиболее крупные скопления памятников и направления расселения (рис. 4). Не являются ли эти наборы, представляющие собой устойчивую группу персонажей, тем «связующим звеном», объединяющим группы, на которые дробилось растущее население, активно осваивавшее новые пространства?

По историческим источникам известны примеры сложения территориальных структур, объединяющих группу функционально-иерархически соотносящихся поселков. Пространственные конфигурации городов-поселений в Средиземноморье («двенадцатиградия») были организованы согласно группам сакральных чисел: 2, 3, 4, 6, 12, «являющихся одновременно основными операционными единицами в исчислении» [52, с. 15–16]. Истоки такой «политической геометрии», выступающей здесь в уже сложившемся и освященном традицией виде, уходят корнями в раннеземледельческие культуры Ближнего Востока и Юго-Восточной Европы. Так что можно предположить, что некие числовые параметры были использованы и при организации общинно-родовых или демовых (племенных) и соответственно пространственных структур в сообществе носителей трипольско-кукутенской культуры. Нет ли здесь связей с числовыми соответствиями статуэток в наборах?

На следующем этапе развития культуры, с ростом численности и плотности населения, с освоением ареала и исчезновением значительных промежуточных пространств между группами памятников, культура Триполья VI — Кукутени А дробится на локальные варианты [42]. Соответственно происходит и изменение «социального пространства», конфигурации которого определены системами региональных связей, которые становятся более прочными, чем связи между группами населения в пределах всего ареала. Изменение форм пластики и исчезновение наборов статуэток раннетрипольского типа происходит именно на этом фоне. Насколько взаимосвязаны эти явления?

Судя по размерам и структуре поселков, отсутствию резко выделяющихся своей конструкцией построек, однородности их инвентаря, отсутствию иерархии поселений в группах и монументальной архитектуры, социальная структура раннетрипольско-прекукутенского общества не имела четкого деления на имущественные страты. Отсутствие построек, выполняющих исключительно культовую функцию [12, р. 75–78], указывает на то, что здесь члены коллективов, исполняющие ритуальные функции, определялись на уровне половозрастных или клановых групп. По этнографическим данным, такая система обычно предполагает наличие разработанной структуры групп и использование отработанных ритуалов инициации для перехода из одной группы в другую, а также иерархии групп по клановому или половозрастному признаку [53]. Учитывая это, вполне можно допустить, что иерархия размеров статуэток в наборах тоже может отражать именно такую структуру.

Итак, на протяжении примерно 300 лет культурный фон существования наборов фигурок определялся «фронтальным» расселением раннетрипольско-прекукутенских коллективов по территории, значительной по площади. Это расселение сопровождалось делением групп населения, но при этом сохранялись их генетические и пространственные взаимосвязи, выражавшиеся в системах дарообмена и брачных контактах, иерархии групп (родовых, клановых и т. п.), а также в сохранении представлений о единстве происхождения. «Вертикальные» связи между поколениями могли поддерживать через культ предков. «Горизонтальные» (пространственные) — обмен людьми между сообществами, переходы из одной группы в другую в пределах сообщества — могли реализовываться через соответствующие обряды перехода. И в том, и в другом случае важным оказывается наглядное воплощение структуры группы, особенно в ситуации, когда группы периодически разделяются в процессе расселения. Поддержание этой структуры так или иначе должно было отразиться в целом ряде идеологических установок, определив содержание ритуальных практик, а также в изобразительном творчестве. Не здесь ли находятся ответы на вопросы о персонажах и функциях наборов?

Исходя из культурного контекста, наиболее вероятным для интерпретации наборов будет предположение, что фигурки изображали линию предков-прародителей. Двухуровневая структура наборов указывает на то, что сидящие на креслицах фигурки, представляющие их постоянную часть, должны соответствовать общим для всей раннетрипольско-прекукутенской популяции предкам — «воображаемым людям, которые заняли места реальных мужчин и женщин первоначальных времен» [54, с. 213], переменная могла быть связана с поколением потомков или соподчиненными группами.

Функция наборов статуэток может быть определена только приблизительно. Из их иконографии, условий обнаружения и культурного контекста следует, что фигурки, несомненно, использовались в круге обрядов, связанных с общением с предками, и помимо собственно культа предков могли включать и инициации, и практику гаданий — мантику, ведь общение с предками или персонажами сакрального мира часто предусматривает получение от них прогнозов и рекомендаций.

По реконструкциям интерьера построек можно приблизительно воссоздать процесс проведения обрядов или ритуалов, связанных с наборами фигурок. К сожалению, план постройки 36 в Подури не опубликован, но в Исае и Сабатиновке II наборы пластики обнаружены у дальней стены построек, напротив входа, поблизости от очагов и печей [28, рис. 1; 18, fig. 12]. Фигурки расставлялись или на глинобитном возвышении

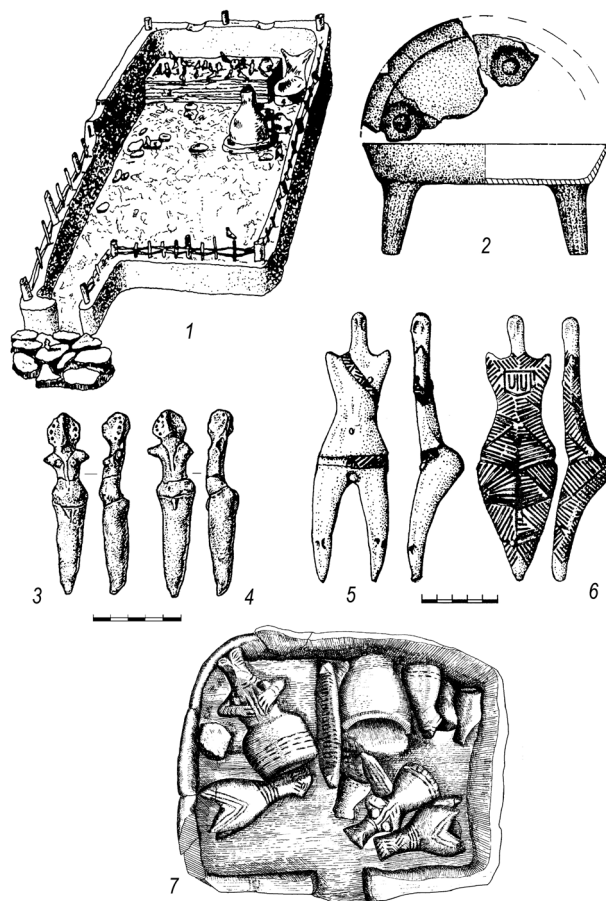

Рис. 5. Функционирование наборов и аналогии:
1 — «святилище» в Сабатиновке II (по [35]); 2 — «алтарь» из постройке 1 в Исайе (по [18]); 3–4 — мужская и женская статуэтки из Майданецкого, период Триполье CI (по [55]); 5–6 — мужская и женская фигурки из Думешти (по [25]); 7 — набор фигурок в модели жилища из фигурок из Платиа Магула Зарко (по [57]).

(рис. 5: 1), или на переносном «алтаре» (рис. 5: 2). Важная деталь интерьера «святилища» в Сабатиновке II — глинобитное кресло, находящееся в дальнем углу помещения за печью. Здесь мог располагаться тот человек, который говорил от имени персонажей и комментировал их слова. По окончании действия статуэтки укладывались в предназначенный для них контейнер. Когда жители покидали поселение, фигурки, вероятно, оставались в тех постройках, в которых происходили все действия.

Столь популярные в ранний период, наборы фигурок с креслицами исчезают на следующем этапе развития культуры: Триполье VI — Кукутени А. Параллельно происходит и изменение пропорций фигурок, которые становятся более стройными, более приближенными к абрисам человеческого тела. В коллекциях пластики доминирует тип стоящих статуэток с углубленным орнаментом (это происходит уже на ряде по-

селений финала Триполья А). Одежду передает углубленный декор, на шее стоящих фигурок часто изображается амулет [12, с. 123–124]. Этот образ дополняет устойчивый тип мужской фигурки с портупеей и поясом.

Изменения в иконографии фигурок происходят на фоне перемен в материальной культуре: распространении полихромии в декоре керамики, влияний соседних культур [42]. Резко возрастает число памятников (их известно более 600), в зоне с наибольшей плотностью заселения регулярно возводятся оборонительные сооружения. Четко обозначаемые по керамическим стилям локальные варианты отражают концентрацию линий связей в пределах отдельных регионов. Таким образом, в рамках трипольско-кукутенских коллективов актуальными становятся связи локального уровня и наиболее близкие линии родства. Это фиксируется и в изменении состава наборов пластики, примером чему является комплекс из Думешти, включающий 12 парных мужских и женских стоящих фигурок [25]. Эти «танцующие» статуэтки соотносятся с «хороводами» из антропоморфных фигур, образующими поддоны мисок [12, с. 116].

В более поздних наборах периодов Триполье VII, CI — Кукутени А-В, В встречаем уже по 4 разнополых фигурки, уложенных в сосуды [4, р. 41–42], или 4 и 2 разнополые статуэтки, помещенные в модели жилищ [4, р. 47–48], или набор из трех фигурок — 2 мужских и 1 женской, обнаруженных в одной яме [55, рис. 34: 2–4]. Такой сдвиг акцента на малый, семейный коллектив происходит на фоне общего укрупнения трипольско-кукутенских сообществ, когда число жителей поселений возрастает от нескольких сотен до нескольких тысяч.

В это же время распространяются находки моделей жилищ с изображенными в них натуралистичными и выполненными в масштабе фигурками людей [12, с. 92–95, 244, табл. I, 1, 3]. Это напоминает аналогичные явления в неолите Греции, когда на смену «закрытым» моделям жилищ, в виде домиков с крышей, в позднем неолите распространяются «открытые», без крыши и с деталями интерьера, что, видимо, связано с тенденцией к индивидуализации жилого пространства [56, р. 308–310]. Одна из таких моделей, из Платиа Магула Зарко в Фессалии, была обнаружена под полом жилища и воспроизводит в масштабе его интерьер. Найденные в ней 8 фигурок ранжированы по размеру, крупные и средние представляют пары из мужской и женской фигурок, еще четыре — мелкие схематичные, неопределенного пола (рис. 5: 7). По предположению автора раскопок К. Галлиса, эти фигурки воспроизводили три поколения одной семьи [57, р. 20–24, pl. XIV–XVI].

Подведем итоги. Анализ материалов и реконструкция культурного процесса, развернувшегося на начальном этапе Триполья-Кукутени, позволяет сделать вывод о том, что наборы антропоморфных фигурок, получившие в этот период широкое распространение, воплощали культурную идентичность носителей прекукутенско-раннетрипольской традиции. Наборы из Подури и Исаи представляют уникальные случаи достоверных комплексов находок, где статуэтки группируются по полу и социально-возрастному статусу, представляя образ группы людей, находящихся в состоянии диалога. Наиболее вероятной интерпретацией этих наборов будет изображение группы предков — мифических, связанных с представлением о единстве происхождения носителей культуры (возможно, их изображают «старшие» фигурки, сидящие на специальных креслицах), и/или прародителей конкретных общин или родов. Они могли использоваться при инициациях. Присутствие числового кода в структуре наборов может указывать и на их связь с мантической практикой. Одно не исключает другого.

В период формирования культуры Триполье-Кукутени и первичного освоения ареала воспроизведение фигур группы предков наглядно отражало единство происхождения, а также систему вертикальных (межпоколенческих) и горизонтальных (межгрупповых) взаимосвязей, объединяющих носителей одной культуры, вероятно, соответствующей и определенной этнической общности. Прекращение использования таких наборов на последующих этапах развития культуры связано с существенными изменением идеологических представлений на фоне образования локальных вариантов и групп памятников, в пределах которых концентрируются и связи между группами оставившего их населения. Свою роль здесь играет и укрупнение сообществ, что приводит к акцентированию внимания на семейных линиях предков. Отсюда и находки наборов с меньшим числом статуэток, связанных с моделями жилищ.

В заключение отмечу, что предложенная интерпретация мелкой антропоморфной пластики касается только конкретной разновидности изделий. Пластика в целом полифункциональна и многообразна. Фигурки людей и животных были одним из основных выразительных средств художественного языка эпохи, метафорическое пространство которой охватывало различные стороны жизни человека. Основным вывод, к которому нас подводит осуществленный в этой статье анализ: при рассмотрении памятников первобытного искусства необходимо избегать сложившихся стереотипов и умозрительных построений. Для их интерпретации важно не мнение авторитетов, а использование системы доказательств. Важную роль здесь играет идея «социальности» искусства, его неразрывной связи с остальными сферами культуры, через реконструкцию которых появляется возможность раскрытия значений художественных образов.

Литература

1. Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М.: Наука, 1981. 608 с.
2. Гимбутас М. Цивилизация Великой Богини: мир Древней Европы. М.: РОССПЭН, 2006. 572 с.
3. Позожева А. П. Антропоморфная пластика Триполья. Новосибирск: Наука, 1983. 145 с.
4. Monah D. Plastica antropomorfă a culturii Cucuteni-Tripolie / Bibliotheca Memoriae Antiquitatis, 3. Piatra-Neamț: Muzeul de Istorie Piatra Neamț, 1997. 524 p.
5. Ucko P. J. Anthropomorphic Figurines of Predynastic Egypt and Neolithic Crete with Comparative Material from the Prehistoric Near East and Mainland Greece / Royal Anthropological Institute occasional paper, 24. London: A. Szmidla, 1968. 530 p.
6. Массон В. М., Сарианиди В. И. Среднеазиатская терракота эпохи бронзы. Опыт классификации и интерпретации. М.: Наука, 1973. 210 с.
7. Антонова Е. В. Антропоморфная скульптура древних земледельцев Передней и Средней Азии. М.: Наука, 1977. 150 с.
8. Meskell L. M. Goddesses, Gimbutas and "New Age" archaeology // *Antiquity*. 1995. Vol. 69, N 262. P. 74–86.
9. Meskell L. M. Oh my goddess! Archaeology, sexuality and ecofeminism // *Archaeological Dialogues*. 1998. Vol. 5/2. P. 126–142.
10. Lesure R. G. Interpreting Ancient Figurines. Context, Comparison, and Prehistoric Art. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 256 p.
11. Палагуца И. В. Интерпретируя древние статуэтки: от «универсалистских» интерпретаций к искусствоведческому подходу [рец.]: R. G. Lesure. Interpreting Ancient Figurines. Context, Comparison, and Prehistoric Art. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 256 p.) // Российский археологический ежегодник. 2012. №2. С. 734–737.
12. Палагуца И. В. Мир искусства ранних земледельцев Европы. Культуры балкано-карпатского круга в VII–III тыс. до н. э. СПб.: Алетей, 2012. 336 с.
13. Monah D., Cucos Ș., Popovici D., Antonescu S., Dumitroaia G. Cercetările arheologice de la Poduri-dealul Ghindaru // *Cercetări Arheologice*. 1983. VI. P. 3–22.

14. Monah D., Dimitroaia G., Monah F., Preoteasa C., Munteanu R., Nicola D. Poduri-Dealul Ghindaru. O Troie în Subcarpatia Moldovei. Piatra-Neamț: Muzeul de Istoric Piatra-Neamț, 2003. 248 p.
15. Cucuteni. The Last Chalcolithic Civilization of Europe. Archaeological Museum of Thessaloniki, 21 September — 31 December 1997 / ed. by Monah D. Bucharest: Athena, 1997. 245 p.
16. The Lost World of Old Europe: The Danube Valley, 5000–3500 BC (November 11, 2009 — April 25, 2010) / ed. by D. W. Antony, J. Y. Chi. New York; Princeton, Oxford: The Institute for the Study of the Ancient World, Princeton University Press, 2010. 240 p.
17. Marinescu-Bîlcu S. Die Bedeutung einiger Gesten und Haltungen in der jungsteinzeitlichen Skulptur der außerkarpatiscen Gebeite Rumäniens // *Dacia* (București). N. S. 1967. XI. P. 47–58.
18. Ursulescu N., Tencariu F. A. Religie și magie la est de Carpați acum 7000 de ani. Tezaurul cu obiecte de cult de la Isaia. Iași: Demiurg, 2006. 170 p.
19. Drașovean F., Popovici D. Neolithic Art in Romania. Bucharest, June 3 — October 5, 2008. Naples: Arte'm, 2008. 232 p.
20. Фролов Б. А. Первобытная графика Европы. М.: Наука, 1992. 200 с.
21. Бибииков С. Н. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевская на Днестре (к истории ранних земледельческо-скотоводческих обществ на юго-востоке Европы) / Материалы и исследования по археологии СССР. №38. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 460 с.
22. Черниш К. К. Ранньотрипільське поселення Ленківці на Середньому Дністрі. Київ: Вид-во АН УРСР, 1959. 108 с.
23. Nanoglou S. The representation of phalli in Neolithic Thessaly, Greece // *Documenta Praehistorica*. XXXVII. 2010. (Ljubljana). P. 215–225.
24. Marinescu-Bîlcu S. Plastica antropomorfă a așezării Cucuteni A3 de la Scânteia (jud. Iași) // *Arheologia Moldovei*. (București). 1993. T. XVI. P. 51–68.
25. Maxim-Alaiba R. Le complexe de culte de la phase Cucuteni A3 de Dumești (dép. Vaslui) // *La civilisation de Cucuteni en contexte Européen. Session scientifique dédiée au centenaire des premières découvertes de Cucuteni* (Iași — Piatra Neamț, 24–28 septembre 1984). Iași: Université “Al.I. Cuza”, 1987. P. 269–286.
26. Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука, 1980. 328 с.
27. Маразов И. Митология на златото. София: Христо Ботев, 1994. 341 с.
28. Макаревич М. Л. Статуэтки трипольского поселения Сабатиновка II // *Краткие сообщения Института археологии АН УССР*. 1954. Вып. 3. С. 90–94.
29. Есипенко А. Л. Раннетрипольское поселение Александровка (по материалам разведок и раскопок 1949–1951 гг.) // *Материалы по археологии Северного Причерноморья* (Одесса). 1957. Вып. I. С. 10–23.
30. Маркевич В. И. Исследования Молдавской неолитической экспедиции в 1970–1971 гг. // *Археологические исследования в Молдавии в 1970–1971 гг.* Кишинев: Штиинца, 1973. С. 52–78.
31. Бурдо Н. Б., Відейко М. Ю. Ранньотрипільське поселення Тимкове // *Археологія*. Вип. 52. Київ: Наукова думка, 1985. С. 78–86.
32. Збенович В. Г. Поселение Бернашевка на Днестре (к происхождению трипольской культуры. Киев: Наукова думка, 1980. 180 с.
33. Marinescu-Bîlcu S. La plastica in terracotta della cultura precucuteniana // *Rivista di Scienze Preistoriche* (Firenze). 1974. Vol. XXIX, Fasc. 2. P. 399–436.
34. Bodean S. Așezările culturii Precucuteni-Tripolie A din Republica Moldova (Repertoriu). Chișinău: Pontos, 2001. 136 p.
35. Макаревич М. Л. Об идеологических представлениях трипольских племен // *Заметки Одесского археологического общества*. 1960. Т. I/34. С. 290–301.
36. Черныш Е. К., Массон В. М. Энеолит правобережной Украины и Молдавии // *Энеолит СССР / Археология СССР*. М.: Наука, 1982. С. 165–320.
37. Marinescu-Bîlcu S. Cultura Precucuteni pe teritoriul României. București: Editura Academiei RSR, 1974. 218 p.
38. Збенович В. Г. Ранний этап трипольской культуры на территории Украины. Киев: Наукова думка, 1989. 224 с.
39. Відейко М. Ю. Археологічні пам'ятки трипільської культури на території України. Реєстр. Вступне слово // *Енциклопедія трипільської цивілізації: в 2 т.* Т. I. Київ: Укрполіграфмедіа, 2004. С. 564–565.
40. Mantu C.-M. Cultura Cucuteni: evoluție, cronologie, legături / *Biblioteca Memoriae Antiquitatis*, V. Piatra-Neamț: Muzeul de Istorie Piatra-Neamț, 1998. 324 p.
41. Відейко М. Ю. Абсолютне датування трипільської культури // *Енциклопедія трипільської цивілізації: в 2-х т.* Т. I. Київ: Укрполіграфмедіа, 2004. С. 85–96.
42. Palaguta I. Tripolye Culture during the Beginning of the Middle Period (BI): The relative chronology and local grouping of sites // *British Archaeological Reports: International series*. Oxford: Hadrian Books, 2007. 182 p.
43. Бурдо Н. Б. Хронологія і періодизація Трипілья А // *Археологія*. 1998. №4. С. 78–88.

44. Кошелев И. Н. Памятники Трипольской культуры по данным магнитной разведки. Киев, 2005. URL: <http://www.archeologia.ru/Library/Book/c885ed589d11> (дата обращения: 20.12.2012).
45. Дергачев В. А. Памятники позднего Триполья (опыт классификации). Кишинев: Штиинца, 1980. 208 с.
46. Бурдо Н. Б. Александровская группа раннетрипольских памятников // Памятники трипольской культуры в Северо-западном Причерноморье / под ред. Л. В. Субботина. Киев: Наукова думка, 1989. С. 5–29.
47. Черныш Е. К. Основные пути расселения племен культуры Кукутени-Триполье в ранний период // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М.: Наука, 1976. С. 90–102.
48. Алексеев В. П. Демографическая и этническая ситуация // История первобытного общества. Эпоха классообразования. М.: Наука, 1988. С. 294–344.
49. Hassan F. A. Demographic Archaeology // *Advances in Archaeological Method and theory* / ed. by M. B. Shiffer. Vol. 1. New York; San Francisco; London: Academic Press, 1978. P. 49–103.
50. Балабина В. И. К прочтению змеиных изображений спиралевидного орнамента древних земледельцев Европы // Вестник древней истории. 1998. №2. С. 135–151.
51. Kus S. M. The Social Representation of Space: Dimensioning the Cosmological and Quotidian // *Archaeological Hammers and Theories* / ed. by J. A. Moore and A. S. Keene. New York: Academic Press, 1983. P. 277–298.
52. Кожин П. М. «Политическая» геометрия в Древнем Китае // Двадцать третья научная конференция «Общество и государство в Китае. Тезисы докладов. Часть I. М.: ИВ РАН, 1991. С. 14–18.
53. Салинз М. Экономика каменного века. М.: ОГИ, 1999. 296 с.
54. Годелье М. Загадка дара. М.: Восточная литература, 2007. 295 с.
55. Бурдо Н. Б. Теракота трипільської культури // Рижов С. М., Бурдо Н. Б., Відейко М. Ю., Магомедов Б. В. Давня кераміка України. Археологічні джерела та реконструкції. Частина перша. Київ: ІА НАНУ, Товариство Коло-ра, 2001. С. 61–146.
56. Nanoglou S. Social and monumental space in Neolithic Thessaly, Greece // *European Journal of Archaeology*. 2001. Vol. 4, N 3. P. 303–322.
57. Gallis K. J. A late Neolithic foundation offering from Thessaly // *Antiquity*. 1985. Vol. LIX. P. 20–24.

Статья поступила в редакцию 20 декабря 2012 г.